

RU

Лингвопоэтические особенности паттерна «коллективного текста» (эпистолярных полисубъектных заметок) в отечественной литературе

Шуйская Ю. В., Калашникова М. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности паттерна «коллективного текста» в отношении распределения грамматических категорий в сопоставлении с другими текстами тех же авторов. В качестве материала исследования рассматриваются три образца «коллективного текста» – рассказы А. П. Чехова «Жалобная книга», А. Шуйского «Доска для записей», а также отрывок из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия». Общей чертой анализируемых текстов является имитация надписей от различных субъектов, как связанных между собой, так и независимых. Проведенное сопоставление трех текстов, ранее не проанализированных в сравнении, а также выявление особенностей распределения в этих текстах возвратных и невозвратных глаголов определяют научную новизну данной работы. В результате исследования было впервые установлено, что для «коллективных текстов» характерно «значимое отсутствие» возвратных глаголов – их пропорция в общем числе глагольных форм в два и более раза меньше, чем в других текстах тех же авторов. Это связано с использованием коммуникативного регистра «речи от первого лица» и отсутствием в анализируемых текстах повествовательных фрагментов.

EN

Linguopoetic features of the “collective text” pattern (epistolary multi-subject notes) in Russian literature

Y. V. Shuyskaya, M. V. Kalashnikova

Abstract. The research aims to identify the features of the “collective text” pattern in relation to the distribution of grammatical categories in comparison with other texts by the same authors. The research material consists of three examples of “collective texts”: A. P. Chekhov’s “The Complaints Book”, A. Shuysky’s “The Notice Board”, and an excerpt from M. A. Bulgakov’s novel “The White Guard”. A common feature of the analyzed texts is the imitation of inscriptions from various subjects, both related and independent. The comparison of the three texts, previously unanalyzed in such a manner, as well as the identification of the distribution patterns of reflexive and non-reflexive verbs in these texts, account for the scientific originality of this work. As a result of the research, it has been found for the first time that “collective texts” are characterized by a “significant absence” of reflexive verbs – their proportion in the total number of verb forms is two or more times less than in other texts by the same authors. This is due to the use of the communicative register of first-person speech and the absence of narrative fragments in the analyzed texts.

Введение

Актуальность исследования лингвистических особенностей использования глаголов в «коллективном тексте» обусловлена необходимостью выявления параллелей устойчивого воспроизводимого паттерна эпистолярных полисубъектных заметок, который обладает устойчивой воспроизводимостью в отечественной литературе XIX, XX и XXI столетий. Этот паттерн, в свою очередь, находит отражение в полисубъектности цифрового письма, что порождает такие формы новейшего коллективного текста, как корпус комментариев к определенной информации в интернете.

Анализ эпистолярных текстов в литературоведении не выявил исследований, обращающихся к моделированию коллективного эпистолярного текста в художественной литературе. Полисубъектная коммуникация в письменной форме анализируется на примере реальных эпистолярных корпусов (Караханян, 2023; Курьянович, 2023; Захарова, 2022), либо на примере моделированной в художественном мире переписки, где присутствуют не отрывочные заметки, а обширные тексты (Кушкова, 2023; Орлова, 2021). Это обусловило важность обращения к полисубъектным эпистолярным заметкам как особому паттерну текста в отечественной литературе.

Под «коллективным текстом» в рамках настоящего исследования понимается самостоятельный либо внедренный в более крупный текст смоделированный автором корпус надписей на какой-либо поверхности, подразумевающий, что надписи выполнены разными людьми. Образцом такого сценария развития текста следует признать рассказ А. П. Чехова «Жалобная книга», в котором имитируется текст, записанный в книгу жалоб на железнодорожной станции разными людьми в разное время. Также «коллективный текст» представлен в рамках текста романа М. А. Булгакова «Белая гвардия», в котором в главе 2 присутствует описание печи в доме Турбиных, на которой оставляли надписи члены семьи Турбиных и их друзья. В современной отечественной литературе традиции паттерна «коллективного текста» продолжают в рассказе А. Шуйского «Доска для записей», опубликованном в коллективном сборнике «Кофейная книга» под редакцией М. Фрая.

Настоящее исследование не претендует на обобщение всех лингвистических и структурных особенностей указанного паттерна: выделена специфика употребления в данных текстах возвратных глаголов, описано и истолковано в контексте целеустановки «коллективного текста» их значимое отсутствие.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать отношение к выделяемому в рамках настоящего исследования паттерну в отечественном литературоведении, обобщить описание его структурных и функциональных особенностей;
- отобрать образцы «коллективного текста» в отечественной литературе, сопоставить их и сформулировать их лингвистические особенности;
- выявить наиболее яркие черты «коллективного текста» и обосновать их использование авторами XX века в контексте художественной задачи.

Материалом для исследования послужили нижеследующие тексты:

- Булгаков М. А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Мн.: Юнацтва, 1988.
- Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1985. Т. 2.
- Шуйский А. Доска для записей; Кошкины слезки // Кофейная книга / сост. М. Фрай. СПб.: Амфора, 2008.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные специфике использования возвратных глаголов в отечественной литературе и семантике возвратных (рефлексивных) глаголов в целом. Этому вопросу посвящены работы Ф. Т. Назари (2021), О. В. Пересады и Н. А. Корепиной (2019), Н. А. Быковой и Е. М. Мельниковой (2016), О. В. Чагиной (2009), С. С. Сая (2008). Паттерн «коллективного текста» в отечественном литературоведении не отрефлексирован, из приведенных выше образцов такого текста подробно исследован только рассказ А. П. Чехова «Жалобная книга» – например, в исследованиях О. В. Евтушенко (2016), Э. М. Свенцицкой (2010), Г. Д. Зворыгиной (2005).

Авторами статьи использованы такие методы, как структурно-семантический метод выделения сценария «коллективного текста» и метод контент-анализа выделенных образцов такого паттерна текста с точки зрения распределения в нем глаголов определенных категорий. Для сопоставления пропорции распределения возвратных глаголов в исследуемых текстах с творчеством анализируемых авторов в целом был использован метод корпусного анализа с использованием инструментария Национального корпуса русского языка (НКРЯ. <https://ruscorpora.ru/>).

Теоретическая значимость исследования определяется формулированием закономерностей распределения возвратных и невозвратных глаголов в паттерне «коллективного текста» отечественной литературы.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных выводов в ходе изучения современного русского языка в вузах, при исследовании малых форм отечественной литературы, в ходе спецкурсов и спецсеминаров, посвященных особенностям произведений в отношении дистрибуции словоизменяемых и классифицирующих грамматических категорий.

Обсуждение и результаты

В связи с поставленной в настоящем исследовании целью представляется целесообразным охарактеризовать анализируемый паттерн «коллективного текста». Под коллективным текстом в рамках исследования понимается авторская имитация текста, написанного несколькими связанными либо не связанными между собой субъектами, на писчих либо не писчих материалах. Прецедентом данного паттерна является рассказ А. П. Чехова «Жалобная книга», написанный в 1884 году. В тексте рассказа представлены различные надписи, оставленные разными людьми в жалобной книге железнодорожной станции. Текст открывается авторским описанием: «Лежит она, эта книга, в специально построенной для нее конторке на станции железной дороги. Ключ от конторки “хранится у станционного жандарма”, на деле же никакого ключа не нужно, так как конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте» (Чехов, 1985, с. 34). Далее основное содержание рассказа заключается в перечислении надписей, ряд которых сопровождается авторскими примечаниями о характере надписей и сопутствующих рисунках. В тексте нет сюжета как такового, присутствует ряд микросюжетов, когда авторы различных надписей вступают в дистантный диалог между собой, например:

«Проезжая через станцию и будучи голоден в рассуждении чего бы покушать я не мог найти постной пищи. Дьякон Духов».

«Лопай, что дают» (Чехов, 1985, с. 35).

Жанр «Жалобной книги» определен автором как «микрорассказ» (Чехов, 1985, с. 34), его уникальная форма позволяет погрузиться в проблемы небольшого города либо поселка, на железнодорожной станции которого

лежит описываемая книга. Среди этих проблем – супружеская измена, потеря работы из-за алкоголизма и другие. Комизм рассказа Чехова заключается в том, что подавляющее большинство людей, оставивших записи в жалобной книге, использовали ее не по назначению, а скорее в качестве пространства для самовыражения, и оставили такие надписи, как «Добродетелью украшайтесь» (1985, с. 35) и т. д.

В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1929) также представлен «коллективный текст». Во второй главе рассказчик описывает печку, стоявшую в доме Турбиных, и нанесенные на нее надписи (Булгаков, 1988, с. 20-21). В отличие от описанной А. П. Чеховым в «Жалобной книге» ситуации, «коллективный текст» «Белой гвардии» составлен членами семьи Турбиных и их друзьями, то есть людьми, наносившие надписи, знакомы друг с другом и имеют возможность вести диалог как в рамках коллективного текста, так и за его пределами.

Как и А. П. Чехов, М. А. Булгаков предваряет перечисление надписей авторским описанием: «Замечательная печь на своей ослепительной поверхности несла следующие исторические записи и рисунки, сделанные в разное время восемнадцатого года рукою Николки тушью и полные самого глубокого смысла и значения... Руками Елены и нежных и старинных турбинских друзей детства – Мышлаевского, Карася, Шервинского – красками, тушью, чернилами, вишневым соком записано» (1988, с. 20). Как и в тексте Чехова, в тексте Булгакова описаны рисунки и манера письма, например «(Нарисован весьма похожий браунинг.)» (1988, с. 21). Привлекает внимание элемент автодиалога: Николка Турбин, являющийся автором большинства надписей, сам пишет на печке: «Печатными буквами, рукою Николки:

“Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав. Комиссар Подольского райкома. Дамский, мужской и женский портной Абрам Пружинер, 1918 года, 30-го января”» (Булгаков, 1988, с. 21).

Датировка последующих надписей показывает, что запрет, написанный от имени Абрама Пружинера, нарушен:

«1918 года, мая 12 дня я влюбился» (Булгаков, 1988, с. 21).

Подобный паттерн нарушения запрета представлен и у А. П. Чехова: «Прошу в жалобной книге не писать посторонних вещей. За начальника станции Иванов 7-й”.

“Хоть ты и седьмой, а дурак”» (1985, с. 35).

Это позволяет говорить о присутствии в тексте М. А. Булгакова межтекстового диалога и имплицитной отсылки к рассказу Чехова. В то же время в «коллективном тексте» М. А. Булгакова присутствуют существенные отличия от «коллективного текста» А. П. Чехова: он не является открытым для всех, в нем пишут только члены определенного небольшого коллектива, знакомые друг с другом, а большая часть надписей относится к политическим вопросам.

Третий образец «коллективного текста», отсылающий к моделям и Чехова, и Булгакова, представлен в рассказе А. Шуйского «Доска для записей», опубликованном в 2008 г. Рассказ описывает вымышленную доску для записей, которая могла бы существовать в определенной семье: «На самом деле ее нет – доски, на которой можно было писать фломастерами или мелками или лепить записки магнитиками. Давно пора купить, да всё как-то не собраться. Но если бы она была, то выглядела бы примерно так» (Шуйский, 2008, с. 85). После этой вводной ремарки идет перечисление надписей с описанием рисунков: «“...!” (Неразборчиво, зачеркнуто, нарисована зверская рожа.)» (Шуйский, 2008, с. 87). Описание надписей завершается точной цитатой из текста М. А. Булгакова: «Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав! (с) Тигр Хихикающий и Прыгающий на Хвосте» (Шуйский, 2008, с. 87).

Особенностью современного текста является отсутствие эксплицитного объяснения взаимоотношений членов данной семьи, которые подписываются «Стр.» и «Тигр» / «Тигерь» / «Тигр, прыгающий на хвосте» и пр. Также в тексте присутствуют ремарки от домашних животных – очевидно, кошек, которые пишут с грамматическими ошибками: «“Я сегодня поздно, купи колы, кошек я кормила, целую, Тигр”.

“Очень мало! (Отпечатки трёх кошачьих лап.) Между прочем мы слышали отакой породе – бигимотапатамы. Их кормят восемь рас вдень. Праверьти наши радасловные!”» (Шуйский, 2008, с. 85).

Также две надписи в тексте «Доски для записей» оставлены от имени кофе (что и обусловило включение данного рассказа в сборник «Кофейная книга»), который сообщает: «Я только что убежал. Кофе». ... «Меня осталось три ложки. Сигареты просили передать, что их две штуки в пачке, с табаком связаться не могу. Кофе» (Шуйский, 2008, с. 86).

В тексте упоминается (но не пишет на доске) внесценический персонаж – Анька (очевидно, дочь двух взрослых людей, авторов надписей и хозяев домашних животных). В отличие от текстов Чехова и Булгакова, текст Шуйского представляет собой связанные микродиалоги, в которых представлены реакции на предыдущие реплики, к примеру:

«Девачка моя я тибя хачу”.

“Кто это написал? Стр.”.

“М-да. Я думала, что ты. Тигр Хихикающий”.

“Я когда-нибудь выкину на фиг всех этих котов! Стр.”» (2008, с. 85).

Текст А. Шуйского завершается надписью, цитирующей М. А. Булгакова, сюжет с перипетиями жизни семьи также не имеет завершения (как и в тексте А. П. Чехова).

Сходство трех текстов, выполненных в рамках паттерна «коллективного текста», в целом несомненно в структурном и типологическом отношении. Большой интерес представляет анализ их контента с точки зрения грамматических категорий используемых слов, в частности – пропорции возвратных и невозвратных глаголов в тексте.

Под возвратными глаголами в рамках настоящего исследования понимаются глаголы с постфиксом -ся/-сь. Следует отметить, что в ряде исследования используется термин «рефлексивные глаголы» (Два подхода к семантике..., 2006).

Сопоставительный анализ трех текстов показал, что в них практически отсутствуют возвратные глаголы. Так, в рассказе «Жалобная книга» Чехова всего 48 глаголов в спрягаемых и неспрягаемых формах. Среди них – всего 5 возвратных глаголов (10%). Между тем, пропорция возвратных глаголов в творчестве А. П. Чехова, подсчитанная с помощью Национального корпуса русского языка, составляет почти 20%. По данным НКРЯ, в подкорпусе творчества А. П. Чехова содержится 2 032 452 слова, из которых 384 275 глаголов, в числе которых – 69 148 возвратных (т. е. 17,9%).

Сходную закономерность наблюдаем в «коллективном тексте» М. А. Булгакова. Анализ подкорпуса его творчества, по данным НКРЯ, показывает всего 466 542 слова, 90 337 глаголов, из которых – 19 682 возвратных (21,7%), в тексте же описания печки во второй главе от слов «Замечательная печь» и до слов «30-го января» указывает на наличие в данном фрагменте 18 глаголов, среди которых – всего 2 возвратных: «“1918 года, мая 12 дня я влюбился.”

...

“После таких слов я застрелюсь.”» (Булгаков, 1988, с. 21).

Творчество А. Шуйского в НКРЯ отсутствует, однако наличие малого количества возвратных глаголов в общем объеме текста прослеживается и у него: всего в тексте рассказа «Доска для записей» представлено 60 глаголов, среди которых – 5 возвратных (менее 10%). Можно провести сравнение с рассказом того же автора «Кошкины слезки» (Шуйский, 2008, с. 88-97), опубликованном в том же сборнике, в котором представлено 70 возвратных глаголов из 427 глаголов всего, т. е. 16%.

Таким образом, можно проследить закономерность, касающуюся развития паттерна «коллективного текста» в отечественной литературе XIX-XXI столетий. В текстах этого типа пропорция возвратных глаголов относительно невозвратных существенно снижена: по сравнению с другими текстами данных авторов процент возвратных глаголов в «коллективных текстах» примерно в 2 раза меньше, чем в других произведениях.

Причина выявленной закономерности, как представляется, – в семантике возвратных глаголов. Н. В. Перцов разделяет возвратные глаголы русского языка на два крупных типа:

«– первая группа: непосредственно возвратные глаголы; активные возвратные глаголы; притяжательно-возвратные глаголы; взаимно-возвратные глаголы;

– вторая группа: возвратные глаголы, имеющие значение ненамеренных, случайных действий; глаголы со значением непроизвольного восприятия; глаголы со значением интенсивного проявления психических состояний субъекта; безлично-возвратные формы глаголов; глаголы со значением перехода предмета в новое состояние» (2003, с. 65-68).

Ф. Т. Назари, обобщая особенности русского языка с точки зрения иностранца, выделяет три группы возвратных глаголов – собственно возвратные, в которых постфикс «-ся» может быть заменен на «себя» с сохранением смысла: «мыться – мыть себя, причесываться – причесывать себя» и т. д. Вторая категория – «частично возвратные глаголы, обозначающие действие или состояние, которые субъект направляет сам на себя, но это не осознается, или конкретный субъект с абстрактным объектом, или конкретный объект с абстрактным субъектом» (Назари, 2021, с. 308). К таким глаголам относятся глаголы «драться, целоваться, стелиться» и т. п.

К третьей категории относятся имплицитно-возвратные глаголы: «...деятель осознается лишь как субъект или только как объект, а второй элемент этой дихотомии отсутствует, инкорпорирован и предусмотрен самым глаголом. Если субъект-объект выступает как субъект, он вводит или доводит себя до процесса или состояния. Если он выступает как объект, то находится на пути достижения процесса или состояния» (Назари, 2021, с. 308).

У подавляющего большинства возвратных глаголов превалирует семантика процесса, протяженного действия, состояния, которая не коррелирует с общей идеей «коллективного текста». Соавторы «коллективного текста» пишут в книге / на печи / на доске под влиянием спонтанного озарения, охватившего их желания оставить некий след, послание, зафиксировать свое состояние. Следует также отметить, что в большей части записей в «коллективных текстах» представлена форма первого лица: человек пишет от своего имени, сообщает о своем сиюминутном, ситуативном состоянии. Однако встречаются и сообщения в третьем лице, такие, как «Улан Леонид Юрьевич», «Да здравствует Россия!» (Булгаков, 1988, с. 21), «Оставил память начальник стола претензий Коловроев» (Чехов, 1985, с. 34) и т. п.

Снижение концентрации возвратных глаголов по сравнению с обычным текстом следует объяснять также отсутствием в «коллективном тексте» повествовательных фрагментов, которые широко представлены в тексте обычном. В силу особенностей паттерна текста, состоящего из надписей на определенной поверхности, объем оставляемой субъектом надписи ограничен: печка (у Булгакова) и доска для записей (у Шуйского) обладают ограниченным размером и не могут вместить бесконечно длинные записи. Формат «жалобной книги» предполагает больший объем потенциальной записи, и у Чехова представлены более крупные тексты, чем у других авторов, однако и в них отсутствуют повествовательные фрагменты. Довольно большой процент возвратных глаголов – это глаголы, описывающие движение (вернуться, пройти, спуститься и пр.), эмоциональное наблюдаемое состояние (улыбнуться, усмехнуться, расплакаться и пр.), и они превалируют именно в повествовательном тексте, где автор говорит о героях от третьего лица.

Заключение

В рамках настоящего исследования было сформулировано понятие типового паттерна «коллективного текста» в отечественной литературе и описаны три его образца в литературе XIX, XX и XXI веков. Выделена общая черта данных текстов в отношении распределения глаголов по классифицирующей категории «возвратности – невозвратности»: доля возвратных глаголов в общем числе использованных глагольных форм в «коллективном тексте», как правило, в два раза меньше, чем в других текстах тех же авторов. Если в обычных текстах данных авторов пропорция возвратных глаголов составляет 17-20%, то в «коллективном тексте» – 8-10%. Относительно других глагольных категорий и в целом грамматических категорий использованных авторами слов подобной диспропорции не выявлено. В силу особенностей жанра вымышленные авторы «коллективного текста» часто высказываются в первом лице, говоря о своих чувствах и ощущениях, однако эта особенность явствует из самой структуры паттерна. Выявленная же динамика использования возвратных глаголов является неочевидной особенностью «коллективного текста» и может быть объяснена отсутствием в анализируемых текстах повествовательных фрагментов, в которых автор говорит о действиях героев в третьем лице.

В результате проведенного исследования получены следующие выводы: применительно к отечественной классической и новейшей литературе можно выделить отчетливый воспроизводимый паттерн коллективно-полисубъектного текста, который, возможно, имеет значительно больше репрезентаций, чем представлено в настоящем исследовании. Отчетливой особенностью данного паттерна является иная пропорция дистрибуции возвратных и невозвратных глаголов, чем в других текстах тех же авторов.

К перспективам исследования следует отнести выявление большего количества «коллективных» текстов в отечественной литературе, анализ их особенностей не только в отношении доли возвратных глаголов, но и в целом по другим грамматическим категориям различных частей речи. Также большой интерес представляет выявление подобных текстов в зарубежной литературе и сопоставление их с соответствующими текстами отечественной литературы.

Источники | References

1. Быкова Н. А., Мельникова Е. М. Особенности функционирования разговорных возвратных глаголов в современной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1.
2. Два подхода к семантике русских рефлексивных глаголов (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6 «Языкознание». Реферативный журнал. 2006. № 4.
3. Евтушенко О. В. Внутритекстовые связи в рассказе А. П. Чехова «Жалобная книга» // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения» (г. Москва, 16-17 октября 2015 г.): в 3 т. М.: Московский городской педагогический университет, 2016. Т. 1.
4. Захарова Ю. Г. Лексические неологизмы и потенциальные слова в письмах А. П. Чехова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 5.
5. Зворыгина Г. Д. Сценический текст А. П. Чехова (рассказы «Жалобная книга», «Размазня», «Женщина без предрассудков», «Слова, слова и слова», «Ушла») // Культура и текст. 2005. № 10.
6. Караханян Н. Ж. Речевой портрет М. Горького: стилистические особенности письменной коммуникации в переписке с В. Поссе (1898-1901 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 6.
7. Курьянович А. В. «О ценностях, которым нет цены...»: к постановке проблемы изучения аксиосферы русского эпистолярного текста // Коммуникативная стилистика текста: итоги и перспективы (к юбилею доктора филологических наук, профессора Н. С. Болотновой и 30-летию научного направления): материалы всероссийского научного семинара (г. Томск, 20 января 2023 г.). Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2023.
8. Кушкова А. А. Лексика писем героев романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Актуальные вопросы инновационного развития Арктического региона РФ: сборник материалов IV всероссийской научно-практической конференции (г. Северодвинск, 14-30 ноября 2022 г.). Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2023.
9. Назари Ф. Т. Возвратные глаголы в русском языке и их аспекты // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35).
10. Орлова Н. Ю. «Фантомные письма» в контексте разных лингвокультур // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3.
11. Пересада О. В., Корепина Н. А. Особенности семантики возвратных отсубстантивных глаголов в говорах в аспекте теории пропозиции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 9 (206).
12. Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. № 4.
13. Сай С. С. К вопросу о семантической классификации русских возвратных глаголов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 65.

14. Свенцицкая Э. М. Автор повествователь герой в малой прозе А. П. Чехова (на материале рассказов «Жалобная книга» и «Скрипка Ротшильда») // Новый филологический вестник. 2010. Т. 15. № 4.
15. Чагина О. В. Возвратные глаголы в русском языке. Описание и употребление. М.: Русский язык. Курсы, 2009.

Информация об авторах | Author information

RU**Шуйская Юлия Викторовна**¹, д. филол. н., доц.**Калашникова Марина Владимировна**²¹ Московский университет имени А. С. Грибоедова² Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва**EN****Yuliya Viktorovna Shuyskaya**¹, Dr**Marina Vladimirovna Kalashnikova**²¹ Moscow University named after A. S. Griboedov² Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow¹ shujskaya@yandex.ru, ² marinavlady5@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.01.2025; опубликовано online (published online): 21.02.2025.

Ключевые слова (keywords): паттерн текста; возвратные (рефлексивные) глаголы; коллективный текст; эпистолярные заметки; русская литература; text pattern; reflexive verbs; collective text; epistolary notes; Russian literature.